

<http://moscow.gramota.ru/>

проф. Горбаневский.

Географические наименования — окна в прошлое

Можно сравнить обширную семью названий улиц и площадей, бульваров и проспектов, переулков и проездов нашей столицы с большой книгой, старинной и интересной. В ней окажется более трех тысяч шестисот страниц, потому что именно столько внутригородских названий помечено на карте Москвы. Прохаживаясь, прогуливая или пробегая (жителей других городов весьма удивляет скорость москвичей, нашего привычного «передвижения» по улицам столицы) по московским бульварам, проспектам, набережным, переулкам, пользуясь картами, схемами Москвы, мы часто просто как бы пролистываем эти страницы, особенно не задерживая на них своего внимания, — так же нередко мы делаем это и с обычной книгой. Нам просто некогда или незачем задумываться над тем, почему, когда и как появились такие привычные и дорогие сердцу названия, как Тишинская площадь, Страстной бульвар, Варсонофьевский переулок, Софийская набережная, улица Кузнецкий Мост или Охотный ряд. А ведь каждое название — это застывшая история, памятник былым столетиям и нашим предкам.

Вспомним, например, что в незапамятные времена появились в Москве бесермены — татары и некоторые другие народы Востока. Кстати, отсюда русское слово «бусурмане», «басурмане». Ордынцы, а также крымские и ногайские татары оставили о себе на карте Москвы немало топонимических свидетельств. Классический пример — *улица Балчуг*: в основе ее имени лежит тюркское слово *балчык*, *балчех*, *балчек* — «грязь; влажное, топкое место».

О людях из других стран и областей, проживавших некогда в столице, сохраняют ныне память Грузинские улицы, Старопанский переулок (здесь в слободе Старые Паны жили поляки), многие другие. После 1654 года, когда произошло воссоединение Украины с Россией, в столице появилось большое количество украинцев. Селились они в отдельных слободах. Отсюда названия Хохловской площади, Хохловского переулка. А в том районе Москвы, где вы встретите Татарскую улицу и Татарские переулки, стояла в XVII веке Татарская слобода. Совсем недалеко от Татарской слободы находилась Толмачевская (или, по-другому Толмацкая) слобода. Ее населяли в XV—XVII веках толмачи — переводчики с русского и татарского языков.

В продолжение этой темы — небольшой обзор старинной и современной «кавказской» топонимии на карте Москвы. Немало улиц своими наименованиями рассказывают об исторических связях Москвы и России с народами Азербайджана, Армении, Грузии, Северного Кавказа.

Постоянная колония армян была известна в Москве на посаде с XV века, как и Татарская слобода. Однако следа ее в городской топонимии столицы мы не найдем. Что же касается *Армянского переулка*, то он появился значительно позже — в XIX веке. С XVIII века в этой части Москвы, неподалеку от Маросейки и Покровки, проживало много армян, но переулок тогда именовался еще Никольским или Столповым — по церкви Николы в Столпах. Поводом для его переименования послужило открытие здесь в 1815 году Лазаревского института восточных языков, созданного на средства богатой армянской семьи Лазаревых.

Названия нескольких московских улиц стали своеобразными памятниками известным сынам армянского народа. Вблизи станции метро «Сокол» проходит *улица Алабяна*. Это наименование было присвоено в 1959 году новой улице, которая включила в себя части Песчаной улицы и Песчаного переулка. Каро Семенович Алабян (1897—1959)

был известным советским архитектором, а также государственным и общественным деятелем. Многие годы он возглавлял Союз архитекторов СССР. Одно из ранних сооружений, спроектированных и построенных им в Москве (в соавторстве с архитектором В. Н. Симбирцевым), — Центральный театр Красной Армии, ныне — Центральный Академический театр Российской Армии. В 1939 году К. С. Алабяном совместно с Б. М. Иофаном был построен павильон СССР на Всемирной выставке в Нью-Йорке, а с архитектором С. А. Сафаряном — павильон Армянской ССР на ВСХВ. В годы Великой Отечественной войны Каро Алабян возглавлял коллектив архитекторов, разрабатывавших проект восстановления Сталинграда. Улица Алабяна не случайно появилась именно в районе Сокола. Последние годы, будучи главным архитектором Ленинградского района Москвы, К. С. Алабян руководил разработкой проекта планировки и застройки территории, на которой теперь находится улица его имени...

Имя выдающегося армянского поэта и общественного деятеля Ованеса Туманяна (1869—1923) носит *площадь Туманяна*, расположенная между Дмитровским шоссе и Селигерской улицей. В учебниках по истории мировой литературы отмечается, что творчество Ованеса Туманяна проникнуто реализмом и народностью, он красочно изображал жизнь армянской деревни, героические эпизоды армянской истории, народные предания и легенды. Площадь получила имя Туманяна в 1969 году — в ознаменование 100-летия со дня рождения поэта.

Есть на карте Москвы и *грузинские мотивы* в топонимии, и даже само слово *грузин*. В начале XVIII века в Москву прибыл грузинский царь Вахтанг Леванович с большой семьей, свитой, многочисленными слугами. Все они поселились в районе современных Грузинских улиц (близ Красной Пресни), где находилось село Воскресенское, и образовали Грузинскую слободу. Улица же Грузинская появилась позже, примерно в середине XVIII века. Вначале это была дорога из *Грузинской слободы* к обширным полям ямщиков Тверской-Ямской слободы, которая со временем застроилась домами и превратилась в улицу. Ныне это — *Большая Грузинская улица*.

В 1960 году возникла в Москве *улица Палиашвили* — из Малого Ржевского и Ножового переулков. Так была сделана попытка увековечить память об известном советском композиторе, народном артисте Грузии Зарии Петровиче Палиашвили (1871—1933). Его оперы «Абесалом и Этери» и «Даиси» сыграли значительную роль в развитии грузинской музыкальной культуры. Биография З. П. Палиашвили связана с Москвой — он учился в Московской консерватории. Однако улице Палиашвили, на которой расположено посольство Грузии, было справедливо возвращено историческое название — *Малый Ржевский переулок*...

Азербайджанские мотивы в московской топонимии представлены тоже несколькими названиями. В их числе — *Бакинская улица*, что на юге Москвы. Она была названа так в 1965 году при образовании из бывших Первомайской и Железнодорожной улиц и присоединенной к ним новой улицы. *Наримановская улица*, что на северо-востоке столицы (в районе Лосиногостинского острова), в своем наименовании сохраняет память Наримане Наджаф-оглы Нариманове (1871—1925), известном общественном и государственном деятеле, одном из председателей ЦИК СССР. Нариман Нариманов известен также и как азербайджанский писатель. Мемориальный характер носит еще одно московское название советского периода — *улица 26 Бакинских Комиссаров*. Оно было присвоено новой улице, соединяющей проспект Вернадского и Ленинский проспект, в 1968 году — в 50-ю годовщину со дня гибели бакинских комиссаров, расстрелянных 20 сентября 1918 года английскими войсками.

Примеры *кавказских мотивов* в московской топонимии можно было бы приводить и дальше. Но стоит заметить, что уважение ко всем без исключения народам Кавказа, их культурам и традициям в столице России запечатлено в «объединяющем» названии — *Кавказский бульвар*. Этот топоним возник в 1965 году. Бульвар расположен также в южной части Москвы — в районе Пролетарского проспекта, к югу от станции метро «Каширская».

Окликни улицы Москвы...

К сожалению, в годы советской власти, в эпоху воинствующего нигилизма по отношению к историко-культурному наследию, многое из московских исторических топонимов было утрачено и затем с трудом восстанавливалось (процесс этот еще не закончен). О примерах подобного отношения к топонимии Москвы стоит рассказать подробнее.

Поэт Дмитрий Сухарев услышал в старинных наименованиях московских улиц особую музыку, столь же отличающуюся от «ритма» топонимов советского времени, как полифония народных русских напевов разнится с однообразностью и вненациональным «обликом» тяжелого рока. Поэт написал стихотворение под названием «Окликни улицы Москвы», а его друг, известный автор-исполнитель и композитор Сергей Никитин, написал к этим стихам музыку, так родилась песня. Читая поэтические строки, вы убедитесь, насколько противоречит старинная московская топонимия понятиям «штамп» или «стереотип речевого мышления» (хотя не следует забывать! — это относится не ко всем дореволюционным названиям улиц и площадей, переулков и набережных Москвы).

*Замоскворечье, Лужники,
И Лихоборы, и Плющиха,
Фили, Потылиха, Палиха,
Бутырский хутор, Путинки,
И Птичий рынок, и Щипок,
И Сивцев Вражек, и Ольховка,
Ямское поле, Хомутовка,
Котлы, Цыганский уголок.
Манеж, Воздвиженка, Арбат,
Неопалимовский, Лубянка,
Труба, Ваганьково, Таганка,
Охотный ряд, Нескучный сад.
Окликни улицы Москвы,
И тихо скрипнет мостовинка,
И не москвичка — московитка
Поставит ведра на мостки.
Напьются Яузой луга,
потянет ягодой с Полянки,
Проснутся кузни на Таганке,
А на Остоженке стога.
Зарядье, Кремль, Москва-река,
И Самотека, и Неглинка,
Стремянный, Сретенка, Стромынка,*

*Староконюшенный, Бега,
Кузнецкий мост, Цветной бульвар,
Калашный, Хлебный, Поварская,
Колбасный, Скатертный, Тверская,
И Разгуляй, и Крымский вал...
У старика своя скамья,
У кулика свое болото, —
Привет, Никитские ворота,
Садово-Сухаревская!
Окликни улицы Москвы...*

Если же попросить поэта «кликнуть» те московские улицы, имена которых возникли после событий 1917 года, то каков будет эффект? Я думаю, что ответом стихотворцу стало бы гробовое молчание, ибо стараниями советских чиновников карта Москвы на добрую треть превратилась в топонимический погост. С одной стороны — все эти площади, проспекты, переулки, набережные, улицы Маркса, Энгельса, Ленина, Фрунзенская, Бауманская, Андропова или просто невообразимые для живой русской речи топонимы в честь Хулиана Гримау, Мориса Тореза, Вильгельма Пика, Клары Цеткин, Амилкара Кабрала, Хо Ши Мина, Агостиньо Нето и им подобные. С другой стороны — частокол «названий-символов» улиц и площадей типа Революции и Восстания, Борьбы и Октябрьской, Рабочей и Свободы, Большевицкой и Коммунистической, Марксистской и Советской, Новаторов и Строителей, Стройкомбината и Газгольдерной, Союзного и Федеративного проспектов.

Не украсили Москву и имена-новоделы типа *улица Моснефтекип*? Сей «памятник» новой эпохи возник в столице в 1930 году в районе бывшей подмосковной деревни Капотня «в честь» Московского завода контрольно-измерительных приборов для нефтяной промышленности! Можно вспомнить и о таких стилистических «приемах» московской топонимии послеоктябрьского периода, как, скажем, 4-я улица 8-го Марта или Партийный переулок. К числу «эксклюзивных» достояний советского топонимического языка относится, конечно же, и *Безбожный переулок*. Анекдотичность заключается в том, что старинное его название *Протопоповский*, которое ретивые переименователи постарались уничтожить уже в 1924 году, никакого отношения к православной вере не имело: Протопоповский (или, по-другому, Протопопов) переулок исторически получил свое имя по фамилии одного из домовладельцев, — что для названий московских переулков было чрезвычайно распространенным явлением, характерным признаком.

Практически все основные штампы и стереотипы, характерные для советского топонимического языка в целом, вы легко могли (и, к сожалению, можете и до сих пор) обнаружить на карте Москвы.

Первым же и распространенным стереотипом стала сама замена исторических названий на «созвучные эпохе» — переименование улиц, площадей, переулков.

Вернемся к топонимическому вандализму в Москве. Для того, чтобы ощутить последствия замен, переименований советского времени, давайте возьмем какую-нибудь из тематических групп старомосковских названий, например топонимы, связанные по своему происхождению с православием. Замечу попутно, что возникновение географических наименований по храмам и монастырям — одна из давних традиций русской топонимии, и Москва здесь исключением не стала.

Зияющие провалы (многие до сего дня!) в религиозной топонимии стольного града, замены старых имен на новые, принадлежащие советской мифологии и «новоязу», — суть скорбный упрек всем нам.

Большая и Малая Алексеевские улицы, названные по церкви Алексея-митрополита XVII века (*Большая и Малая Коммунистические улицы*, с 1924 года).

Андроньевская площадь — по Спасо-Андроникову монастырю с его древнейшим московским собором: он старше кремлевских соборов; вспомним и о том, что в монастыре похоронен Андрей Рублев (*площадь Прямикова*, 1919 год; историческое название возвращено в 1990 году).

Борисоглебский переулок — по церкви св. Бориса и Глеба (*улица Писемского*, с 1962 года; историческое название возвращено в 1992 году).

Улица Варварка — по церкви св. Великомученицы Варвары (*улица Разина*, с 1993 года; историческое название возвращено в 1990 году).

Воскресенская площадь — по Воскресенским воротам Китай-города (*площадь Революции*, с 1918 года).

Улица Знаменка — по церкви Знамения Богородицы (*улица Фрунзе*, с 1925 года; историческое название восстановлено в 1990 году).

Улица Ильинка — по Ильинскому монастырю и Ильинским воротам Китай-города (*улица Куйбышева*, с 1935 года; историческое название возвращено в 1990 году).

Крестовоздвиженский переулок — по Воздвиженскому монастырю (*переулок Яньшева*, с 1957 года; историческое название возвращено в 1990 году).

Большая Никитская улица — по Никитскому женскому монастырю и Никитской монастырской слободе (*улица Герцена*, с 1920 года; историческое название восстановлено в 1993 году).

С большим сожалением приходится констатировать сверхустойчивость идеи о необходимости увековечивания выдающихся людей в топонимии Москвы: до сих пор в Московскую городскую межведомственную комиссию по наименованиям улиц поступают предложения чиновников всяческих рангов, представителей военных, ветеранских, творческих и иных организаций, вдов маршалов, академиков, писателей, артистов, режиссеров.

Кремль

Предлагаю вам прямо сейчас совершить экскурсию в Кремль. Но не обычную, а ономастическую. Мы познакомимся с теми древними, известными и забытыми наименованиями, которых здесь так много. Заодно — попробуем припомнить некоторые значительные факты из истории Москвы и России, взглянув на них через призму ономастики.

Впервые слово Кремль встречается в одной из записей Воскресенской летописи, относящейся к 1331 году, — в известии о пожаре Москвы: «В лето 6839 месяца мая бысть пожар на Москве, погоре город Кремль».

До 1367 года, когда Кремль при Дмитрии Донском был огражден каменной стеной, он назывался просто городом. Все постройки, которые лежали вне Кремля, назывались посадом, а более отдаленные слободы — загородьем. Известный отечественный историк Москвы и Кремля С. П. Бартенев отмечал, что после того, как в 1367 году Кремль был заключен в каменные стены, он получил название каменного города. А затем, когда в 1535—1538 годах была сооружена каменная стена Китай-города, древнюю московскую крепость стали называть старым каменным городом. Ну, а само имя Кремль утвердилось в употреблении (как это видно из многочисленных и достоверных исторических источников) лишь в 1589 году, когда были возведены стены Белого города (еще одного оборонительного рубежа, который проходил по линии

современного московского Бульварного кольца). Интересная закономерность, не правда ли?

Крупный историк Москвы, знаток «биографий» московских улиц и площадей П. В. Сытин в одной из своих книг привлекает внимание читателей к тому, что в записи под 1354 годом, рассказывающей еще об одном московском пожаре, кремлевская крепость названа Кремником: «погоре город Москва, Кремник весь». Вероятно, названия Кремль и Кремник были синонимичны, поскольку при описании другого пожара, случившегося в 1365 году, крепость названа в летописи снова Кремлем: «Погоре посад весь и Кремль, и Заречье».

Гипотез о происхождении слова кремль в разные времена было выдвинуто немало. И все же внимания заслуживают, пожалуй, лишь две. Одна связывает название Кремль с греческим словом *кремнос*, другая соотносит это наименование с древнерусским нарицательным словом *кремль*.

Еще в 1873 году исследователь А. М. Кубарев в своей статье «Откуда слово Кремль» высказал предположение, что топоним может вести свое происхождение от греческого слова *кремнос*, имеющего значение «крутизна, крутая гора над берегом или оврагом». Он аргументировал свою гипотезу тем, что, во-первых, сам Кремль стоит именно на такой высокой горе, на крутом берегу реки. Во-вторых, слова *кремн*, *кремнос* действительно могли попасть на Русь и проникнуть в русскую речь, в речь москвичей. В частности, это могло произойти благодаря многочисленному греческому духовенству, прибывшему в Москву в конце 20-х годов XIV века в свите нового митрополита Феогноста, грека по происхождению. И в более ранние, и в более поздние времена в русский язык проникали многочисленные греческие слова, среди них — терем, фонарь, известь, уксус, олифа и др.

Не станем безапелляционно отвергать версию А. М. Кубарева: есть в ней и своя привлекательность, и своя доказательность. Но, думается, более правдоподобна вторая гипотеза, поддерживаемая большинством ученых. И понятно, почему. Она не нуждается в иноязычных подпорках, у нее достаточно своих, исконно русских оснований.

Согласно этой гипотезе, название московского Кремля возникло, родилось из древнерусского слова *кремль* и его производного *кремник* в значении «крепость внутри города». Эта гипотеза приводится и Максом Фасмером в его известном «Этимологическом словаре русского языка». Ученый-этимолог считал родственными слову *кремль* такие слова, как *кремль* «часть засеки, где растет лучший строевой лес», *кремлевый* «крепкий, прочный» — о строительном лесе, кремлевая сосна «сосна на опушке леса» — следовательно, «большая, мощная», *крема* и другие.

Похожий ряд мы находим и в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля. В нем к слову *кремль* автор дал целый ряд своеобразных тематических параллелей из диалектной лексики: *кремлевник* «хвойный лес по моховому болоту», *кремь* «лучшая часть заповедника, крепкий и крупный строевой лес», *кремлевое* дерево «дерево на краю леса, выросшее одиноко и на просторе, крепкое строевое дерево».

Эти цепочки и у В. И. Даля, и у М. Фасмера приводят нас к мысли о том, что слово *кремль* может быть связано с представлением о деревянной рубленной крепости, не правда ли? Между прочим, в летописном известии о начале строительства московского Кремля сказано: «заложиша рубити».

Известные историки И. Е. Забелин и М. Н. Тихомиров также считали, что слова *кремль*, *кремник*, *кром* (крепость древнего Пскова носит имя Кром) связаны с тем, что древнерусские крепости были деревянными рублеными укреплениями. М. Н. Тихомиров так и писал в одной из своих книг, посвященной средневековой

Москве: «Слово *кремник* или *кремль* могло обозначать характер постройки укрепления из хвойного, соснового дерева в отличие от дубового дерева. Кремник сгорел, и на его месте стали строить («рубить») город, или град. Тем не менее, как это часто бывает и на наших глазах, за московским замком сохранилось старое и привычное название».

Постепенно слово *кремль* могло получить новое значение — не просто «рубленое укрепление», а «внутренняя крепость, замок внутри города». Ведь пока вокруг древней маленькой Москвы не возник посад, не возникли слободы, ставшие неотъемлемой частью города, крепость Москвы не называлась кремлем, она именовалась просто городом: «мал деревян град». Например, в «Повести временных лет», там, где летописец извещает о набеге на Москву в 1177 году рязанцев, сказано: «Глеб в ту осень приеха на Московь и пожже город весь и села». Вероятно, причиной того, что слово *кремль* начало активно употребляться, было разрастание города, в связи с чем появились границы первоначальной крепости — по сравнению с Китай-городом, Белым городом. Быть может, именно в этом наименовании содержалось указание на край, рубеж городского центра.

Слова *кремль*, *кремник*, *кром* родственны слову *крома*, означающему «край, рубежная полоса, граница». По свидетельству Владимира Даля, слова *крома* и его производные *кромка*, *кромина*, *кромница* были распространены повсеместно. В современном русском литературном языке слово *кромка*, помимо значения «продольный край ткани, узкая полоска по краю ткани», сохранилось, например, и в словосочетании *кромка льда*. Это слово выступает как термин в плотницком деле — «продольный край доски», а в швейном производстве употребляется слово *покретка* — «край ткани». Слова *кромина* и *кромница* в литературный язык не вошли и ныне воспринимаются как диалектизмы. Однокоренными с словом *кромка* являются и такие слова, как *кроме*, *укромный*, *скромный*. Слово *крома* как «рубеж, край, граница» легло в основу нескольких русских топонимов — названий населенных пунктов и рек. Наиболее известен среди них, думаю, город Кромь на реке Кромь (ныне это — село в Орловской области). Гидроним этот (наименование реки) упоминается в старинной «Книге большому Чертежу» в формах Кром, Крома и Кромь. Река Крома была своеобразной границей, на которой еще до постройки города было городище. И на это городище регулярно высылались «сторожи» — наряды сторожевой службы из городов Карачева и Орла. Ведь за рекой Кромь и соседними приграничными, «украинными» территориями начиналось Дикое Поле, откуда враги постоянно совершали набеги на русские города. Известны топонимистам и другие названия с тем же корнем. Так, например, в писцовой книге XVI века по Каширскому уезду можно найти реки Кромичу, Кроминку, Кромницу. На берегах последней стояла в ту пору и деревня Кромница.

Сейчас Кремль — единое целое, с точки зрения структуры историко-архитектурного комплекса. В нем нет столько улиц, как раньше, но есть две площади — Соборная и Ивановская, а также Спасская, Никольская, Дворцовая (до недавнего времени — Коммунистическая) улицы. Хотя их существование сейчас носит достаточно условный характер, а сами топонимы вряд ли известны даже москвичам.

Соборная площадь — центральная площадь Кремля. В древности к ней сходились от кремлевских ворот главные улицы города-крепости. Название площади связано с тем, что ее украшают выдающиеся памятники древнерусского зодчества, знаменитые кремлевские соборы: Успенский, Благовещенский и Архангельский. А также собор Двенадцати Апостолов, церковь Ризположения и другие.

Ивановская площадь широко раскинулась к востоку от огромного восьмигранного столпа Ивана Великого со звонницей. Свое название она получила, вероятно, еще в самом начале XVI века, когда зодчий Бон Фрязин создал храм-башню Иван

Великий. Ранее здесь стояла небольшая каменная церковь, построенная при Иване Калите и носившая название Иоанна Лествичника «иже под колоколы» (так назывались церкви, звонница которых не была отдельно расположенной частью здания, привычной для нашего представления колокольной, а располагалась на самом верху самой церкви). Первая часть названия и дала имя новой церкви. Сама же церковь была включена в состав нового храма. Но почему Иван Калита повелел выстроить церковь именно в честь Иоанна Лествичника, одного из многих раннехристианских «пустынников», то есть не самого известного святого? Объясняется это очень просто. Князь Иван Данилович был крещен именно в честь Иоанна Лествичника, поскольку родился в день поминаения этого христианского подвижника, ставшего для Калиты небесным покровителем. А сейчас под самым куполом Ивана Великого вы можете прочитать надпись, выведенную рельефными буквами метровой величины. Она гласит, что «храм совершен и позлащен» в 1600 году, при Борисе Годунове, хотя в 1600 году башня, возведенная Боном Фрязиным, была только надстроена. Вторая половина названия — Великий — соответствует грандиозным, по представлениям наших предков, размерам сооружения: высота с крестом — около 81 метра, диаметр главы — 9 метров. Как я уже сказал, словосочетание «иже под колоколы» было обозначением древнего типа храмов, когда на массивный куб ставилась глава, служившая помещением для колоколов (иногда — сторожевой башней), и поэтому называть Иван Великий колокольной — неверно.

В XVII веке Ивановская площадь Кремля была чрезвычайно оживленным местом. У зданий многочисленных приказов всегда были видны толпы народа, челобитчиков. По некоторым делам «приказов» (своеобразных министерств того времени) на Ивановской площади делались устные «публикации»: подьячие громко выкрикивали оповещения, читали постановления собравшимся москвичам. Принято считать, что именно отсюда родилась поговорка *кричать во всю Ивановскую* (хотя существуют и другие версии ее возникновения и первоначальной мотивировки).

Немало ценной и интересной информации несут в себе из далеких веков названия башен Кремля, многие из которых кажутся непонятными или таинственными. Вспомним о некоторых, наиболее известных.

Боровицкие ворота и башня того же названия находятся в том месте, откуда пошла вся Москва, — в устье реки Неглинной. Обычно считают, что наименование Боровицкие, Боровицкая образовано от слова *бор* «хвойный, преимущественно сосновый лес». Действительно, когда-то на всем холме, где была сооружена древняя московская крепость, и в его окрестностях шумел сосновый бор. Об этом свидетельствуют и названия церквей, находившихся в Кремле: церковь Спаса «на бору», Иоанна Предтечи «под бором» и др. Но если бы мотивировка названия была именно такой, то ворота и площадь перед воротами именовались бы не Боровицкими, а Боровыми или Боровскими (как была названа в начале XIX века Боровая улица в восточной части Москвы, поскольку таковы правила русского языка, русского словообразования). Название же Боровицкие могло быть образовано только от слова боровица. Это редкое слово когда-то существовало в русском языке и означало «небольшой бор, сосновая роща». Аналогично ему и слово дубровица «небольшая дубовая роща». Оба они в настоящее время сохранились только в составе названий: село Боровицы (Кировская область), Дубровицы (бывшая усадьба под Москвой, близ Подольска), Боровицкие ворота, а по ним — Боровицкая площадь. Правда, возможно и иное объяснение: боровицей во многих русских говорах называют различные растения, в частности траву типа вереска. Тогда Боровицкие ворота — это ворота, находящиеся там, где растет боровица.

Старое название башни и ворот дошло до нас, даже несмотря на царский указ, запрещавший именовать ее Боровицкой: 16 апреля 1658 года Алексей Михайлович повелел назвать Боровицкие ворота Предтеченскими, по церкви Рождества Иоанна Предтечи. Иногда Боровицкая башня упоминалась как Чертольская, так как находилась неподалеку от урочища Чертолье, где было много оврагов и буераков (об имени урочища подробнее рассказывается в статье «Пречистенка»).

Подходя к Государственному Кремлевскому дворцу, неудачному для заповедного места сооружению из стекла, бетона и стали, вы непременно минуете Троицкую башню. Название Троицкой башни известно с 1658 года и было ей дано по Троицкому подворью, которое располагалось поблизости на территории Кремля. За долгие годы своей истории Троицкая башня называлась по-разному: Богоявленская, Знаменская (по храмам) и еще несколькими именами. Подходы к ней с северо-запада и к ее Троицкому мосту через реку Неглинную были защищены Кутафьей башней. Тайна этого названия еще не раскрыта, хотя существует несколько предположений. По одному из них, наименование башни Кутафья исторически связывается со словом *кут* «угол». Но это толкование не совсем убедительно, и в основном потому, что объясняет не все слово-название, а лишь первую его половину. В русских народных говорах слово *кутафья* было довольно употребительно, а в некоторых оно известно и сейчас. В одних (вологодских, псковских, владимирских) — его употребляют по отношению к сильно закутавшейся женщине, в других (олонецких) — этим словом называют неповоротливую или небрежно одетую женщину. Вполне возможно, что Кутафья башня и получила свое название по внешнему виду: не высокая, как все остальные башни Кремля, а приземистая, широкая в основании.

В центре той части стены Кремля, что граничит с Красной площадью, поднимается Сенатская башня. Она расположена прямо за мавзолеем. А позади башни — бывшее здание Сената с круглом куполом, давшее ей имя (оно же — бывшее здание Совета министров СССР, ныне — резиденция Президента России).

Поблизости возвышается и самая известная из кремлевских башен — Спасская, с одноименными Спасскими воротами. Первоначальное ее название — Фроловская. Оно было дано по располагавшейся неподалеку церкви Фрола и Лавра. С 1658 года башня называется Спасской. Своим наименованием она обязана иконе Спаса, установленной на ней со стороны Кремля. К большому сожалению, образ Спаса до нашего времени не сохранился.

С фамилией реального исторического лица связано название угловой Беклемишевской башни — со стороны Кремля к ней примыкал двор боярина Ивана Никитича Беклемишева по прозвищу Берсень, то есть «крыжовник». Боярину Беклемишеву в XVI веке государь Василий Иванович повелел срубить голову «за высокоумие», а двор боярина стал царской собственностью. Из него сделали тюрьму — так же, кстати говоря, как из башни. Беклемишевскую башню называли еще и Москворецкой из-за близости к Москве-реке и Москворецкому мосту.

Полностью оправдывает свое необычное наименование Тайницкая башня, обращенная к набережной Москвы-реки. Ранее существовали и Тайницкие ворота Кремля. Названия эти идут из древности: на случай осады в башне был устроен потайной выход из крепости и был вырыт колодец-тайник. Ворота в башне некоторое время именовались также Водяными (поскольку вели к реке) и Чешковыми (потому что рядом с ними в XV веке находился двор князя Даниила Галицкого-Чешки). По башне назван и Тайницкий сад в Кремле, который сейчас недоступен рядовым посетителям Кремля (хотя во времена моего детства, в начале 60-х годов, в нем устраивали новогоднее празднество для московских школьников — с елкой, Дедом Морозом и Снегурочкой).

Неподалеку от Тайницкого сада расположено не очень примечательное белое здание, которое соединяется галереей с Большим Кремлевским дворцом. Это — Оружейная палата, уникальная сокровищница произведений декоративного и прикладного искусства. Ее здание было построено всего немногим более ста лет назад, но название относится к XVI веку.

Со времени Ивана III, женившегося на византийской царевне Софье Палеолог, заметно возросла пышность московского двора. Этому во многом способствовали приехавшие в Москву искусные мастера-иноземцы — греки и итальянцы. В 1511 году великий князь Василий III повелел учредить особую Оружничью палату. Поскольку в ней изготовляли не только боевое, но и парадное оружие, то требовались, помимо оружейников, мастера-художники: резчики по металлу, кости и дереву, чеканщики, золотых дел мастера, золотошвейки и т. д. По этой причине Оружничья палата разрослась в сложный Оружейный приказ, концентрировавший в себе разнообразные ремесла. Специалисты каждого из них занимали особую палату (Мастерская, Золотая, Оружейная и т. д.), однако общее управление всеми работами по-прежнему осуществлялось Оружейным приказом. Он также помещался в отдельной палате, поэтому-то обычно ее и называли Оружейной палатой. Так при московском дворе сложилась единственная в своем роде академия художеств, обслуживавшая царские нужды. С течением времени Оружейная палата превратилась в музей, получивший особую известность только в Новейшее время.

Многие из экспонатов Оружейной палаты уникальны, имеют огромную историческую, художественную и культурную ценность. Поэтому не случайно некоторые из этих предметов приобрели определенные собственные имена.

Вот легендарная шапка Мономаха — знаменитый венец русских великих князей и царей. Часто посетители Оружейной палаты, воочию увидевшие шапку Мономаха, интересуются, откуда пошло прозвище князя Владимира Мономаха, давшего начало роду Мономашичей, к которому принадлежали и московские великие князья. Сам Владимир о своем происхождении так написал в известном «Поучении»: «Азь худый дѣдом своимъ Ярославомъ, благословленнымъ, славнымъ, нареченый въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимиръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мъномахы (т. е. матерью из рода Мономахов. — М. Г.)». То, что князь носил двойное имя, было не удивительно, поскольку не прошло еще и ста лет со времени принятия христианства. Матерью князя Владимира была княгиня Анна — дочь византийского императора Константина Мономаха. Ее брак с русским князем Всеволодом был не только одним из условий мирного договора с Русью, но и военной контрибуцией, превращенной при этом соглашении как бы в приданое. Таким образом в состав военной добычи русских попало имя византийского императора, которому было суждено пройти через века русской истории и превратиться в одно из обоснований самодержавной власти московских царей (родилось и предание о передаче византийскими императорами русским князьям прерогатив императорской власти).

Следует отметить, что прозвище Мономах соответствовало деяниям византийского базилевса. В переводе с греческого оно означает «единоборствующий, единоборец». Оправдал его и внук императора Константина Мономаха — Владимир, который почти всю жизнь провел в походах и в борьбе как бы на два фронта: со степняками-половцами и с двоюродными братьями-князьями за киевский великокняжеский стол. Ну, а сама шапка Мономаха представляет собой золотой филигранный остроконечный головной убор среднеазиатской работы XIV века с собольей опушкой, украшенный драгоценными камнями и крестом.

Каждому из нас с детства непременно известны два названия предметов искусства и ремесла наших предков, также находящихся в Кремле. У подножия Ивана Великого на

каменном постаменте установлен Царь-колокол. Он полностью оправдывает свое имя, поскольку это самый большой металлический колокол в мире; высота его более 6 метров, вес — свыше 200 тонн, диаметр — 6,6 метра. Царь-колокол отлит в Кремле в 1733—1735 годах Иваном Моториным и сыном его Михаилом.

Вполне соответствует своему наименованию и Царь-пушка, расположенная здесь же. Это чудо XVI века весит 40 тонн. Однако, говоря о мотивировке названия Царь-пушки, не будем забывать, что на ней помещено изображение царя Федора Иоанновича — на коне и в воинском уборе. Ряд собственных наименований имеют и некоторые старинные орудия, находящиеся рядом с Арсеналом, — Лев, Гамаюн (на Гамаюне изображена сказочная птица).

Интересные названия имеют старинные здания в Кремле. Так, например, на западную сторону Соборной площади выходит Грановитая палата. Это древнейшее из дошедших до нас гражданских зданий Москвы. Его построили в 1487—1491 годах архитекторы-итальянцы Марк Фрязин и Пьетро Антонио Солари. Площадь этого дворцового тронного зала впечатляюща — около 500 квадратных метров. Здесь проходили самые торжественные и многочисленные приемы, заседали земские соборы, отмечались победы русского оружия. Однако название здания было связано не с его назначением, а с внешним видом. Восточный фасад Грановитой палаты обработан в технике «руста» — граненым камнем, отсюда и название Грановитая. Не зря восхищался летописец: «Есть полата именуема Грановита, велика и высока, близъ соборныя великия церкви предивнымъ мастерствомъ устроена, из бѣлово камени тесаны грани аки чешуя».

Красная площадь

Топоним Красная площадь — особый символ и памятник Москвы и всей России.

С самого своего возникновения Красная площадь стала главной площадью Москвы. Причиной ее появления была насущная потребность расширить пределы города, его важных составных частей, в данном случае — торгова, вывести его за пределы переполненного Кремля, но не менее важной причиной были и стратегические задачи укрепления обороны столицы. Ученые сходятся на том, что площадь появилась в конце XV века, а точнее — в 1493 году, когда за пределы Кремля был перенесен торг и когда указом Ивана III было предписано снести деревянные постройки вокруг Кремля, которые часто горели и тем самым представляли большую опасность. Вот тогда-то у восточной кремлевской стены и была организована площадь для мелкой торговли.

Поначалу на настоящую площадь она походила мало. Это был действительно рынок: здесь стояли шалаши, палатки, лотки, на лотках шла разнообразная торговля. Чуть позже площадь стала и своеобразным московским форумом. Время от времени выходили царские указы, запрещавшие строить на площади дома и большие торговые лавки. Но постройки эти появлялись вновь, так как народу здесь собиралось много и торг буквально кипел. Как самое людное место города, площадь стала и прибежищем преступников, мятежников и всякого недовольного люда. С другой стороны, ей было суждено стать и местом проведения расправ над бунтовщиками — вспомните казнь мятежных стрельцов в начале царствования Петра I. Здесь же оглашались, читались некоторые царские указы, собирались бояре, разные должностные лица высокого ранга, купцы и обсуждали важные для государства вопросы — такие, как, например, вздорожание хлеба. На площади проходили и торжественные церемонии, связанные с коронацией царей, крестные ходы. Это была на самом деле главная площадь города, ее политический и торговый центр.

Деревянные торговые постройки на площади часто горели, и поэтому площадь носила название Пожар. В исторических, архивных документах оно зафиксировано только в XVII веке, но несомненно существовало и намного раньше. Народ стекался сюда, чтобы послушать, «что говорят на Пожаре».

Важная роль площади в жизни столицы государства заставляла горожан заботиться о ее внешнем облике. Во второй половине XVII века она была обстроена красивыми зданиями. Через ров, проходивший вдоль кремлевской стены, перебросили мосты (к Никольским и Фроловским, ныне – Спасским воротам), которые сразу «обросли» лавчонками. С юга, как мы уже говорили, к тому времени площадь украшал собор Покрова Пресвятой Богородицы. Именно в ту пору она стала по-настоящему Красной – «красивой», и тогда-то название Красная попало в документы и утвердилось официально. Практически все дальнейшее развитие площади: перестройка торговых рядов, появление других зданий – было направлено и на то, чтобы оправдать наименование.

Один из исследований истории Красной площади И. К. Зеленецкий считал, что название ее имеет другое происхождение. По его мнению, к моменту своего появления площадь не была столь красивой, чтобы такой признак стал основой названия. На ней были рвы, ямы, непролазная грязь, плохонькие постройки. А наименованием своим она была обязана находившимся на ней торговым рядам, которые в русском языке называются красными. И. К. Зеленецкий приводил в пример Тулу, где Красная площадь получила свое имя якобы потому, что на ней существовали торговые – красные – ряды (в качестве аналогии исследователь называл и Театральную площадь в Москве, названную по стоящим на ней театрам). Вряд ли эту гипотезу можно считать убедительной. Достаточно сказать, что далеко не все и не всякие торговые ряды на Руси и в России назывались красными, а только лишь те, в которых торговали тканями или, как пишет В. И. Даль, «аршинным товаром». Красные ряды – реалья, свойственная сравнительно небольшим (по сравнению с Москвой) городам – таким как Рязань, Кострома, Тула. В Москве же на Красной площади, главном рынке государства, красных рядов вообще не было. Торговля аршинным товаром здесь велась более специализированно. Привозные, заморские ткани – в Крашенинном ряду, сукна – в Суконных рядах, большой ассортимент аршинного товара продавался в Кружевном золотом ряду, в Холщовом и некоторых других.

С веками торговля на Красной площади становилась все шире. В XVII веке здесь шумел большой, оживленный торг. Своеобразным товаром торговали на мосту Фроловских ворот: рукописными и печатными книгами, тетрадями, лубочными картинками, заграничными гравюрами, или «грамотностью», как тогда говорили.

Именно благодаря такому признаку – основному своему предназначению – площадь имела еще одно название: Торговая. В те времена строгой официальной закреплённости географических названий не существовало, и поэтому одновременно могло бытовать несколько названий одного и того же объекта. Название Красная как единственное официально было закреплено за площадью значительно позднее; по данным П. В. Сытина, это произошло лишь в XIX веке. Торговая же функция Красной площади частично сохранилась до наших дней: сейчас здесь находится ГУМ, один из главных торговых центров страны.

Благодаря исследованиям историков удалось установить, что самым ранним названием площади было не Пожар и не Красная, а Троицкая. Так именовалась она в XVI веке – по церкви Святой Троицы, стоявшей на крутом обрыве над Москвой-рекой (именно там, где сейчас храм Василия Блаженного).

И все же: какова истинная история и мотивировка топонима Красная площадь?

В древнерусском языке и в современных русских народных говорах слово красный употребляется тогда, когда говорят о чем-то хорошем, важном или, как пишет В.И. Даль в своем словаре, «о доброте, красоте: красивый, прекрасный, превосходный, лучший». То, что имело при себе определение красный, было лучшим, хорошим: красный угол, – «красиво убранный угол с иконами, главный в избе», красное крыльцо – «главное, парадное и самое красивое крыльцо» (как будет видно для объяснения мотивировки названия Красной площади), красная девица – «красивая, хорошая, пригожая», красная строка, красное словцо и многое другое.

К сожалению, отчасти не замеченным историками, филологами, топонимистами оказалось исследование Г. Я. Мокеева и В. Д. Черного о Красной площади в Кремле времен Дмитрия Донского. Эти московские ученые на основе архивных документов смогли доказать, что первоначально Красная площадь находилась внутри Кремля – там, где сейчас расположена часть Соборной площади. Внутри Кремля также первоначально располагалось и Лобное место. Мотив образования топонима был прост: на Красную площадь выходило Красное крыльцо дворца («центральное, главное, самое важное, официальное»), на которое вели три Красные лестницы. Под Красным крыльцом (недавно восстановленным московскими реставраторами и архитекторами), между лестницами, были ворота, которые носили название Красные. Таким образом, небольшая площадь, примыкавшая к Красному крыльцу, самым естественным образом получила наименование Красная. Другими словами, произошел перенос имени Красное (Красная) с одного объекта на другой на основе их смежности, связи в пространстве, в жизни. Если вы не слишком ленились заглядывать в учебник русского языка, то легко вспомните: такие переносы называются в лингвистике метонимией. Название Красная очень быстро привилось к площади, ведь она тоже была центральной, важной, официальной. Красным назывался даже дворцовый сад на набережной, примыкавший к Красной площади с юга-запада. Современный топоним Красная площадь – второй перенос: он произошел, когда площадь, как уже было сказано выше, была выведена за стены Кремля. Наименование быстро привилось и на новом месте. Так что схема образования топонима Красная площадь действительно не сводится к простому превращению прилагательного красная (красный) в имя собственное, а была исторически более сложной: красное – Красное крыльцо – Красная площадь [в Кремле] (+Красные лестницы, Красные ворота, Красный сад) – Красная площадь [за стеной Кремля].

В заключении можно напомнить и о том, что Красная площадь («главная», «центральная», «красивая» и пр.) существует не только в Москве, но и в некоторых других старинных городах России, например в Суздале, Переславле-Залесском, Ельце. В городе Переславле-Залесском, что на Плещеевом озере, на Красной площади звучал вечевой колокол, а в княжеских теремах на Красной площади в 20-е годы XIII века родился Александр Невский.

Китай-город

Китай-город – одна из наиболее исторически интересных центральных частей Москвы.

Порой иностранцы полагают, что название Китай-город возникло из особой симпатии России к Китаю. Но московский Китай-город никак не связан с китайцами и Китаем.

Название Китай-город в московских хрониках встречается с XVI века. В 1534 году торговый и ремесленный посад к востоку от Кремля был обнесен рвом и древоземляными укреплениями, а затем на их месте в 1535—1538 годах была возведена знаменитая Китайгородская стена, кое-где сохранившаяся и поныне (в

частности, близ гостиниц «Россия» и «Метрополь»). Никакого китайского городка, поселения или даже квартала в этом древнем славянском посаде никогда и в помине не было! Что же касается названия, то здесь мы должны констатировать простое совпадение звучания слов, не связанных общим происхождением (птица орел – город Орел, оружие лук – растение лук, французский город Брест – восточнославянский, белорусский город Брест. Такие слова в лингвистике называются омонимами).

В основе названия страны Китай в русском языке ученые видят наименование народа кидани, жившего в V—XIII веках в Средней и Центральной Азии и владевшего в X—XI веках Северным Китаем. Между прочим, это же название сначала появилось в форме Хотай и в Западной Европе, куда его привез путешественник Марко Поло. Но впоследствии в большинстве европейских языков укрепилось название China (звучащее как Хина, Чина, Шин, Чайна и т. д.), которое попало к европейцам в XVI веке через португальцев, Индию и Индокитай и связано с государством Чин или династией Цинь.

Ну, а что же московский Китай-город и его название?

О происхождении этого действительно необычного словосочетания существует несколько интересных гипотез.

Некоторые исследователи считают, что название Китай-город означает «средний», «средний, срединный город между Кремлем и Белым городом» (укреплением, проходившим по линии современного Бульварного кольца). Иначе говоря, Китай-город – это средняя по своему местоположению крепость в кольце крепостных сооружений старинной Москвы. Само слово *китай* в этом значении попало к русским из монгольских языков. Этой версии придерживался известный исследователь истории Москвы и собиратель старомосковских названий П. В. Сытин. В какой-то мере такая версия поддерживается той гипотезой, согласно которой название Кремль объясняют как «внутренняя крепость» (об этом вы уже узнали, прочитав статью «Кремль»).

Согласно другой гипотезе, слово *китай* – тюркское и переводится на русский язык просто как «крепость, укрепление, укрепленное место». Оно могло со временем превращаться в название населенного пункта, выросшего на месте такой крепости – так же это бывало с русскими словами *городок*, *городец*. Подобные названия, образованные от слова *китай*, были известны, правда, не в Волго-Окском междуречье, а в других российских землях, например на юге Украины, еще в XIX веке (то есть там, где древнерусский язык соприкасался с тюркскими языками).

И все же мне представляется, что наиболее близка к истине собственно русская, славянская версия истории московского названия Китай-город. Известный историк Москвы И. Е. Забелин и другие видные отечественные ученые считали, что оно связано с восточнославянскими, русскими словами *кита*, *кит*, сохранившимися в диалектах. Означает оно – «плетенный», «как плетень», то есть построенный по принципу плетня – переплетения толстых вертикальных кольев или бревен молодыми гибкими побегами. Такие крепкие плетеные стены ставились на некотором расстоянии друг от друга, а промежутки между ними заполнялись, забутовывались землей, глиной, крупным щебнем, камнями. Так возводилась чрезвычайно прочная стена, которую трудно разрушить, пробить стеноломными машинами и даже пушечными ядрами. В качестве одного из дополнительных доказательств можно привести и запись, сделанную в летописи о древних москвитянах: «Устроиша хитрцы велми мудро, начень оть каменя болшия стѣны, исплѣтаху тонкий лѣсъ около болшого древия и внутрь насыпаху землю и велми крѣпко».

Что же касается названия станции метро «Китай-город», то, на мой взгляд, просто прекрасно, что в нем как бы возродилось и получило вторую жизнь колоритное старомосковское название, памятник истории нашей столицы. В южном вестибюле станции «Китай-город» строители бережно сохранили белокаменный фундамент одной

из китайгородских башен: здесь каждый день пассажиры, люди из века двадцатого, встречаются с веком шестнадцатым. Название станции метро «Китай-город» в каком-то смысле представляет собой исключение: известен его конкретный автор. Это московский литератор и краевед Владимир Муравьев. Именно он на бурном заседании комиссии по названиям московских улиц (еще при Моссовете), когда буквально в тупик зашла дискуссия о том, какое же новое название дать станции «Площадь Ногина», предложил присвоить ей имя «Китай-город». Что и было сделано городскими властями – по решению комиссии.

Арбат

Арбат — одно из самых загадочных и даже таинственных названий на карте столицы. Наш современник, великий поэт Булат Окуджава, назвал его в одной из своих песен «странным» и в то же время признался в своей неизбывной любви к этому старинному уголку Москвы. Помните?

*Ты течешь, как река. Странное название!
И прозрачен асфальт, как в реке вода.
Ах, Арбат, мой Арбат, ты — мое призвание,
Ты — и радость моя, и моя беда...*

Справедливо считается, что из стихов и песен об Арбате могла бы быть составлена целая антология.

Сейчас Арбат, к сожалению, во многом потерял свое очарование и как старинная улица центра Москвы — какой ее помнят по 50—70 годам, и даже просто как одна из заповедных архитектурно-исторических зон столицы. Он приобрел не свойственный Москве безвкусный ярмарочный вид.

Однако история Арбата уникальна — как и само его имя.

Эта часть территории Москвы была застроена еще в XIV веке: пятьсот лет назад здесь прошла дорога на Смоленск. Арбат был и важным перекрестком дорог на подступах к Кремлю, поэтому здесь не раз происходили сражения с иноземными захватчиками. Именно тут в 1493 году потерпели поражение и были обращены в бегство войска казанского хана Аулу Мухаммеда. В 1612 году вблизи Арбатских ворот Белого города были разбиты войска гетмана Ходкевича, пытавшиеся прорваться к Кремлю, и там же произошло окончательное поражение интервентов.

Ко второй половине XVIII века московские ремесленники и купцы, обжившие Арбат, были вытеснены дворянством. Улица стала аристократической (еще в середине прошлого столетия на Арбате не было практически ни одного магазина: дворяне не принимали соседства торговых заведений).

Откуда же ведет свое происхождение этот необычный топоним, так мало похожий — даже по форме — на именование других московских улиц? С каким языком он связан? Что означает?

В XVI—XVII веках под Арбатом наши предки понимали не просто улицу, а обширную местность, которая лежала между улицей Знаменкой (нашим современникам она известна больше как улица Фрунзе) и Большой Никитской улицей (многие знают ее и сейчас как улицу Герцена). При этом срединной улицей данной местности была Воздвиженка. Она-то до XVII века главным образом и носила название Арбат, а позже стала именоваться Смоленской улицей. Ныне свидетели тех далеких лет — такие названия, как Смоленская и Смоленская-Сенная площади, Смоленская улица, а также одноименные переулок, бульвар и набережная.

Наряду с Арбатом, в Москве есть несколько схожих с ним топонимов. Во-первых, это Арбатецкая улица, возникшая в местности, которая некогда служила предместьем

Крутицкого подворья. Она расположена между Крутицкой набережной и улицами Крутицкий Вал и Симоновский Вал. По Арбатецкой улице были названы и два Арбатецких переулка (ныне не существующих). Во-вторых, между Покровским бульваром и улицей Воронцово Поле (до недавнего времени это еще была улица Обуха, однако недавно ей по праву было возвращено историческое название) находится Дурасовский переулок. Прежде он назывался Малый Арбатец.

Иноязычное происхождение топонима *Арбат* у большинства исследователей не вызывало и не вызывает сомнений: принято считать, что в основе этого необычного названия лежит слово не русское и не славянское, а принадлежащее одному из восточных языков.

Тем не менее известны попытки объяснить этот топоним и как собственно русский. Известный историк Москвы И. Е. Забелин, допуская в принципе целый ряд гипотез о происхождении названия Арбат, в своей статье «Опричный дворец царя Ивана Васильевича» (она увидела свет в 1893 году) предположил, что топоним этот может нести в своей основе русское слово, русский корень и отражать некоторые внешние особенности данной местности. И. Е. Забелин выдвинул версию о существовании более старой формы топонима, которую ученый восстановил как *Горбат*. По его словам, название должно было характеризовать «кривизну местности, сохранившуюся до сих пор в искривлении Никитского (в 1950—1992 годах — Суворовского. — М. Г.) бульвара». Работая со старинными планами Москвы, И. Е. Забелин установил, что «местность Арбата, изображая кривую линию, уходила внутрь города на 150 сажен».

Однако это предположение было лишено серьезных оснований. Во-первых, кривизна старых московских улиц известна, таких улиц много, поэтому вряд ли было основание именно таким названием выделять данную местность и улицу из числа других. Во-вторых, название *Горбат*, если говорить об общих закономерностях русской топонимии, было бы применимо к бугристому или холмистому месту, к рельефу, а не к планировке местности. Однако, как известно, Арбат — не только улица, но и когда-то обширная местность — весьма пологий район Москвы. Сравните его хотя бы с Петровским или Рождественским бульваром, или Тверской улицей в ее начале. Как раз из-за отсутствия связи названия *Арбат* с рельефом местности или даже ее планировкой топоним и мог достаточно свободно перейти с Воздвиженки на нынешний Арбат, то есть начать определять новый объект, называть новую улицу.

Есть возражения и другого характера: в московской топонимии не известны случаи образования названий при помощи краткой формы прилагательного. Сомнительность этой версии подтверждается и тем, что форма *Горбат* не зафиксирована ни в одном известном нам историческом письменном источнике.

Согласно еще одной гипотезе, название *Арбат* имеет в своей основе татарское слово *арба*. К сожалению, это предположение в качестве единственного объяснения наименования *Арбата* попало в некоторые путеводители. Действительно, поблизости от Арбата располагалась слобода мастеровых Колымажного двора (которые делали и ремонтировали различного рода «транспортные средства» того времени). Однако, во-первых, название *Арбат* упоминается в письменных источниках еще с конца XV века, иначе говоря задолго до возникновения этой слободы. Во-вторых, слово *арба* и сам тип повозки не привились в центре Московского государства и сохранились лишь на юге, где контакты с тюркоязычным населением были теснее, чем в Подмосковье.

Большинство же ученых склоняется к тому, что в основе топонима *Арбат* лежит арабское слово *арбад* — форма множественного числа от слова *рабад*, которое имело и имеет донныне значение «пригород, предместье». В Москву же оно могло попасть либо через татарское посредничество, либо непосредственно от торговцев с Востока.

Арабское слово *рабад* вошло в лексику таджикского, тюркских языков Средней Азии и Казахстана в значении «городские стены и поселения с внешней их стороны, предместья».

У самих арабов слово *рабад* имело значение «пригород» уже в X веке. Это видно из описания города Хорасана у Максуди: «...внутренний город (медина) расположен на середине города в обширном смысле (белед) и теперь разрушен; его (т. е. внутренний город) со всех сторон окружают пригороды (рабад)». Географы XII и XIII веков употребляли слово *белед* в смысле собственного города, противопоставляя его по-прежнему пригороду *рабад*, *арбад*. Сравните замечание Ибн-Джумейри о Дамаске: «пригороды (арбад) велики, а самый город (белед) не очень велик». И еще одно описание Дамаска: «...у него есть пригород (рабад) по сю сторону стены, окружающей большую часть города, и по величине равный последнему». Данный факт примечателен также и определенным сходством с московскими реалиями: местность между улицами Знаменкой и Большой Никитской — Арбат — нисколько не меньше, если не больше Кремля. К тому же, как я уже сказал, название *Арбат* как бы передвигалось «за стену» после включения первоначального Арбата в состав Белого города, в его территорию.

Предполагается, что слово *арбад* могло попасть в Москву, например, от крымских татар — в этом, между прочим, содержится и объяснение относительно позднего происхождения этого названия, после исчезновения Золотой Орды и появления Крымского ханства. Крымцы переходили реку Москву у Крымского брода, а далее двигались к Кремлю по линии современных Зубовского и Смоленского бульваров. Там они должны были сворачивать на Арбат, поскольку Пречистенка и Остоженка кончались в пересеченной местности — Чертолье. Несколько в стороне был овраг — Сивцев вражек. Проходя Смоленской дорогой, крымские татары могли дать своему главному становищу название *Арбат*. Некоторые исследователи допускают возможность того, что топоним обязан своим происхождением восточным купцам. Но в настоящее время нет достаточного количества исторических свидетельств, которые позволили бы с большей уверенностью судить об упомянутых выше фактах.

В московской топонимии есть и иные тюркизмы. К числу наиболее известных относится. Например, название улицы Балчуг (*балчык* — «грязь, болото, трясины, влажная земля, глина»). Топонимические «родственники» этой московской улицы известны и на юге России, и на ее востоке. Существует, например, даже населенный пункт Большой Балчуг — в Красноярском крае (можно упомянуть о городе Балчуг в Болгарии, где много турецких топонимов, о селении Палчыглы в Азербайджане и других, близких им по происхождению). Улица Балчуг в Москве находится в районе, который издавна носил название *Болото*, отсюда — Болотная набережная (топоним, существующий с конца XVIII века). То было древнее московское урочище Болото, известное со времени Средневековья. Эта часть поймы, низкого берега реки Москвы в старину представляла собой сырое, мокрое место — настоящее болото, что было связано и с низким уровнем берега, и с частыми наводнениями после сильных дождей и весенних паводков (лишь в 1786 году в Москве был создан из речной старицы Водоотводный канал, что и привело к осушению местности Болота и Балчуга).

Арбат для москвичей — не просто улица, это как бы особый «кусочек» столицы, своеобразная «Москва в Москве» с ее собственной историей, самобытностью, традициями, со своим топонимическим ландшафтом. А как много могут рассказать названия старых арбатских переулков! Вспомним некоторые из них.

Арбатский и Кривоарбатский переулки названы так просто по соседству с улицей Арбат (в имени второго отразился и его внешний облик, характеристика конфигурации).

Некоторые арбатские топонимы по своему происхождению связаны со слободами XVII века московских ремесленников и мастеровых людей. Таковы, например, названия Плотникова и Серебряного переулков. Первый возник на месте дворцовой Плотницкой, или Плотничьей, слободы, а второй — на месте слободы мастеров Старого государева Серебряного (монетного) двора. Там, где сейчас проходит Староконюшенный переулок, в XVII веке находилась Конюшенная сторожевая слобода; свое дополнительное название Старая она получила для отличия ее от возникшей в конце XVII века на Девичьем поле Новой Конюшенной слободы. Известен московским старожилам и Спасопесковский переулок: он получил свое имя в XIX веке по находящейся тут церкви Спаса Преображения, что на Песках. Этот уголок Москвы связан в первую очередь не с располагающейся здесь резиденцией посла США, а с жизнью и творчеством прекрасного русского художника-передвижника Василия Поленова. Именно этот кусочек Арбата и запечатлен на его известном полотне «Московский дворик», полным любви к нашему истинно русскому, православному городу.

Лубянка

Одна из наиболее известных и узнаваемых московских площадей — Лубянская.

«Его забрали на Лубянку», «он сидит на Лубянке», «ночью приехали с Лубянки и арестовали всю семью» — многим людям и сейчас понятен трагизм этих фраз.

«Черный воронок», «ГУЛАГ», «Лубянка» — звенья одной цепи исторической трагедии, звенья цепи ассоциаций.

Именно здесь, на Лубянской площади и на улице Большая Лубянка, с первых лет советской власти начала работу ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Ее вначале возглавлял верный соратник Ульянова-Ленина, профессиональный революционер Феликс Эдмундович Дзержинский, «железный Феликс».

Ф. Э. Дзержинский, польский дворянин по происхождению, был одним из старейших членов партии большевиков. С юношеских лет он принимал активное участие в польском и российском революционном движении, неоднократно бывал в тюремном заключении. В феврале 1917 года Дзержинского освободили из Бутырской тюрьмы. С момента образования ВЧК в декабре 1917 года «железный Феликс» до последнего дня своей жизни возглавлял аппарат борьбы с «контрреволюцией» (реорганизованный в 1922 году в ГПУ, затем — в ОГПУ). С 1921 по 1924 год он одновременно исполнял обязанности наркома путей сообщения, а с 1924-го был председателем ВСНХ (Высшего совета народного хозяйства).

Лубянская площадь была переименована в *площадь Дзержинского* в 1926 году, сразу же после смерти. В 1958 году в центре площади был установлен памятник Феликсу Дзержинскому работы Е. В. Вучетича: в центре бронзового постамента в обрамлении лавровых ветвей было изображение щита с обнаженным мечом, привычная советским гражданам эмблема революции, защищающей себя и карающей врагов. Было... Теперь в центре Лубянской площади нет ни того памятника, ни даже постамента. Его снимали в августе 1991 года, поздно вечером, при большом стечении народа.

Итак, *Лубянка*... Когда и как возник этот московский топоним, какое значение он имеет, связан ли по своему образованию с какой-либо характерной чертой древней столицы?

Наиболее распространенной и аргументированной в настоящее время следует признать ту гипотезу, сторонники которой утверждают, что название Лубянка возникло не в собственно Москве, а в ином городе и стало, таким образом, перенесенным топонимом. Согласно этому объяснению, истоки названия следует

искать в древнем Новгороде. Там существовала улица *Лубянка* или *Лубяница*. Неподалеку от Лубянской площади в Москве была выстроена около 1480 года переселенцами из Новгорода и церковь св. Софии, Премудрости Божией (как и Софийский собор в Новгороде в 1045—1050 годах). Близ Лубянской площади, на углу старинной Мясницкой улицы (до недавнего времени называвшейся в течение нескольких десятилетий улицей Кирова) стояла церковь Гребневской Богоматери, возведенная Иваном III в 1472 году в память о покорении Новгорода. Ее разрушили в 1934 году, и не все теперь знают, что под этим храмом были похоронены математик Леонтий Магницкий и поэт Василий Тредиаковский.

«При чем здесь Новгород?» — можете вы спросить. Я бы условно назвал топоним *Лубянка*, как это ни странно с точки зрения его печальных исторических ассоциаций XX века, одним из первых ономастических и топонимистических символов инакомыслия и противоборства жестокому централизму в России. Дело в том, что после насильственного присоединения Новгорода и Пскова к Московскому княжеству соответственно в 1478 и 1510 годах более двух сотен наиболее знатных и влиятельных семей новгородцев и псковичей были переселены, перевезены на постоянное жительство в Москву — во избежание появления в захваченных великим князем землях очагов противодействия московской власти и неповиновения ей. В Москве они были расселены в районе современных Лубянской площади зданий Федеральной службы безопасности, магазина «Детский мир». Выстроенные ими здесь церкви также были духовно связаны с судьбами Новгорода и Пскова; заметим, кстати, что Введенская церковь, стоявшая на углу Большой Лубянки и улицы Кузнецкий Мост, носила наименование «во Псковичах». В русских летописях существуют записи о том, что после присоединения Новгорода и Пскова знатные семьи новгородцев и псковичей действительно переехали в Москву в интересующий нас район города.

Таким образом, существуют законные основания предполагать, что «жизьими людьми» (как тогда говорили), выходцами из главного северо-западного русского города, было принесено с собой привычное им географическое название, укоренившееся в московском топонимистическом ландшафте. Это вовсе не удивительно, поскольку феномен «перенесенных названий» встречается в топонимистической традиции многих народов и стран мира — достаточно взглянуть на карту США и Латинской Америки, где есть очень много перенесенных из Европы топонимов. Что же касается формы названия *Лубянка*, то тут налицо своеобразное «встречное влияние»: новгородское *Лубяница* на московской почве вполне могло измениться на *Лубянку* под влиянием очень продуктивной в прошлом (да и сейчас — весьма употребительной устной речи москвичей, переименовавших в Олимпийку даже *Олимпийскую деревню*) московской модели именная основа + -к(а) типа *Сретенка*, *Покровка*, *Ильинка*, *Варварка*, *Петровка*, *Стромынка* и других.

По своему значению название *Лубянка* связано с относительным прилагательным *лубяной* (с индоевропейским корнем *луб*). *Лубь* в русском языке XIV—XVI веков означало «внутреннюю кору липы и других деревьев», а также изделие из луба — «лубяной короб, мера сыпучих и других тел». Луб, как известно, употреблялся и в качестве материала для письма. «Лубом» могли называть и сам документ, написанный на коре, например грамоту. В словаре В. И. Даля упомянуто и слово *лубянеть* «твердеть, скорузнуть, обращаться в луб», например: «пашня лубянеет в засуху. Река лубянеет (мерзнет)». Слово же «лубяной» в качестве одного из основных значений имело «крытый или обшитый корой, лубом», «сделанный из коры, лыка». По материалам археологических исследований известно, что улицы в древних северо-западных городах часто имели покрытия из деревянных плах, досок, коры. Это вполне могло стать мотивом названия той или иной улицы.

Рассказывая о топонимах *Лубянка*, *Лубянская площадь*, нельзя пройти мимо ряда интересных фактов из истории Москвы и России, связанных с названиями улиц, прилегающих к Лубянской площади.

Тверская улица

Издавна — еще с XIV века — от Кремля на Тверь шла оживленная Тверская дорога. Постепенно эта дорога застраивалась и на начальном своем участке, — территории, известной в истории Москвы под названием *Занеглименье* (то есть «местность, находящаяся за рекой Неглинной»), — превратилась в улицу. В XVIII—XIX веках *Тверская улица* была главной улицей города. Здесь строились лучшие в Москве дома, гостиницы, магазины. Откройте томик пушкинского «Евгения Онегина» — и перед вами предстанет облик старой Тверской улицы в Москве:

*...Пошел! Уже столпы заставы
Белеют; вот уж по Тверской
Возок несетя чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари.
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стая галок на крестах.*

В 1932 году Тверская и продолжавшая ее после Триумфальной площади 1-я Тверская-Ямская улицы были переименованы в улицу Горького — в честь писателя Максима Горького. В период реформирования общества в 1990 году та часть улицы Горького, которая расположена между Манежной и Триумфальной площадями, обрела свое историческое название — Тверская, а вторая часть, идущая до площади Тверской заставы, до Белорусского вокзала, с 1990 года вновь называется 1-я Тверская-Ямская. В 1951 году в сквере около вокзала был открыт памятник Горькому. Переименование практически самой главной улицы Москвы при жизни писателя было связано с возвращением Максима Горького в СССР из Италии, где он пребывал в своеобразной эмиграции с 1921 по 1928 год; восторженные толпы москвичей встречали его на Белорусском, тогда Брестском вокзале. Такой подарок — название улицы — Сталин сделал Горькому, по официальной мотивировке, «в связи с 40-летием его литературно-общественной деятельности», а неофициально — наградив за поддержку установившегося тоталитарного режима.

Настало время вспомнить о том, каково происхождение имени северо-западного русского города, отразившегося и в названии Тверской улицы, и в наименовании Тверского бульвара, о котором шла речь в предыдущей главе. Однозначного объяснения этимологии слова *Тверь* не существует. Топоним *Тверь* впервые упоминается в Суздальской летописи под 1209 годом, встречается в некоторых источниках (например — в древних грамотах и в 1-й Новгородской летописи) в форме *Тъхвѣрь*. Наличие такого варианта открыло широкое поле для гипотез о его происхождении. Известные историки русского языка — академик А. А. Шахматов и академик А. И. Соболевский сближали слово **Тъхвѣрь** с топонимом Тихвин, наименованием города и крепости в Северо-Западной Руси (в нынешней Ленинградской области). А так как города и Тверь, и Тихвин получили свои названия по рекам, на берегах которых были поставлены, то ставшие их основой гидронимы (названия рек)

можно объяснить как «река со спокойным, тихим течением», т. е. «тихая». С другой стороны, наличие на территории бывших Тверского и Олонецкого уездов местного названия реки и озера *Tihvera* дает специалистам-этимологам основание сблизить слово *Тверь* с прибалтийско-финским, дославянским топонимом *Tihvera*. Есть и еще одно предположение, авторы которого связывают название города Твери с польским словом *twierdza* «крепость» и литовским *tvora* «ограда».

По Тверской улице был назван старейший московский бульвар — Тверской.

Каждое географическое название — независимо от его исторической и языковой ценности — обладает комплексом устойчивых ассоциаций и так называемых фоновых знаний, то есть информацией, стоящей за конкретным топонимом и закрепленная в сознании конкретного человека или группы людей — от семьи и небольшого коллектива коллег до населения всего города или даже страны. Чем значимее объект, к которому относится топоним, чем древнее его наименование, чем насыщеннее или необычнее его историко-культурная биография, тем больше существует у этого топонима устойчивых ассоциаций. Мы уже немного говорили об этом.

Тверской стал местом действия сатирического стихотворения Лермонтова «Бульвар». С Тверским связана сюжетная топография пьесы Л. Н. Толстого «Живой труп». Тверской упоминается в романах Льва Толстого: здесь гуляли в сопровождении лакея и гувернантки три дочери Щербатских — Долли, Натали и Кити; по этому же бульвару ехал в санях Пьер Безухов в дом Марьи Дмитриевны Ахросимовой, еще не зная о безрассудном поступке Наташи Ростовской. На Тверском бульваре ожидал в повести Тургенева «Клара Милич (После смерти)» бывший студент университета Яков Аратов молодую актрису Клару Милич. С Тверского бульвара начинается действие одного из лучших рассказов Чехова «Припадок». Не единожды — как полноценный персонаж — присутствует Тверской бульвар в трилогии Алексея Толстого «Хождение по мукам». Помните? Каждый вечер сестры ходили на Тверской бульвар — слушать музыку, садились на скамью и глядели, как под деревьями гуляют девушки и подростки в белых, розовых платьях, — очень много женщин и детей; реже проходил военный, с повязанной рукой, или инвалид на костыле». Так рисует писатель последнее лето прежней России — за год до октябрьского переворота 1917 года. На Тверском сестры встретили своего бывшего петербургского кумира, поэта Бессонова, отправляющегося на фронт. На бульваре происходит позже и встреча Даши Телегиной с руководителем заговора Борисом Савинковым: «Деревья Тверского бульвара, мрачные и редкие прохожие — плыли, как сквозь туман». Без сомнения, «дом Герцена» на Тверском стал почти полным прототипом «дома Грибоедова» с его шумной писательской братией из романа Булгакова «Мастер и Маргарита».

Знатоки русской литературы все же считают (я в данном случае разделяю мнение Александра Шамаро), что самые поэтические строки, посвященные Тверскому бульвару, — это те, которыми начинается повесть Бунина «Митина любовь» и завязка у памятника Пушкину щемящей истории о трагической любви: «Зима внезапно уступила весне, на солнце было почти жарко. Как будто правда прилетели жаворонки и принесли с собой тепло, радость. Все было мокро, все таяло, с домов капали капли... Высокие облака расходились тонким дымом, сливаясь с влажно-синеватым небом. Вдали с благостной задумчивостью высился Пушкин». Да, памятник А. С. Пушкину и в самом деле стоял прежде не на своем нынешнем месте, а на другой стороне Страстной (Пушкинской) площади, в самом начале Тверского бульвара. Но об этом мы с вами поговорим чуть позже.

Тверской бульвар — старейшина московских бульваров: именно он первым был устроен летом 1796 года на месте десятикилометровой стены Белого города, возведенной с 1586 года по велению сына Ивана Грозного царя Федора и к середине

XVIII века утратившей свое оборонительное значение. Историкам точно не известно, кто же был автором идеи разбить бульвары по линии Белого города — как было сказано в высочайшем указе 1774 года, «место под тем бывшим городом (т. е. стеной. — М. Г.) разровнять и ко украшению города обсадить деревьями, а излишний щебень и землю употребить в пользу обывателей». Большинство москвоведов склоняются к мнению, что это предложил сделать кто-то из блестящих архитекторов, окружавших императрицу Екатерину II — В. И. Баженов, В. В. Растрелли, И. Е. Старов. Однако реально первый московский бульвар появился только двадцать лет спустя — при Павле I. Это и был Тверской, отметивший летом 1996 года свой двухсотлетний юбилей! О самом слове *бульвар* в нашем пособии рассказывается чуть дальше — в статье, посвященной Смоленскому бульвару

Тверской бульвар, обсаженный липами и находившийся в одной из центральных и обжитых дворянством частей Москвы, быстро превратился в чисто «московский» уголок первопрестольного града. Вот что пишет о нем Ю. А. Федосюк в своей книге «Москва в кольце Садовых»: «Очень скоро бульвар стал любимым местом прогулок московского барства. Есть сведения, что неимущий люд, во всяком случае в разгар гулянья, сюда не допускался. Своим «зеленым клубом» называли бульвар московские дворяне. Здесь происходили встречи знакомых, деловые и любовные свидания, завсегда и обменивались новостями и сплетнями, девицы на выданье метали взоры на фланирующих офицеров и молодых чиновников, мамыши тайно шептались, выискивая среди модных вертопрахов достойных женихов... Уже появились к 1830 году и другие бульвары кольца, однако Тверской не утрачивал своей славы».

В русской топонимии распространена традиция, согласно которой переулки и бульвары, выходящие на какую-то большую улицу, нередко повторяют в своем названии ее имя. Так произошло и с Тверским бульваром — он получил свое название по Тверской улице, от которой начинался.

И сам Пушкин встретил свое счастье здесь, на Тверском: в одном из домов, которые он хорошо знал, на вечере у танцмейстера Йогеля поэт познакомился с очаровательной Натали Гончаровой, своей будущей супругой. И Пушкина, и Грибоедова, и Льва Толстого, и Есенина, и Платонова помнит вековой дуб, что стоит на Тверском бульваре напротив дома номер четырнадцать. Дубу тому более двухсот лет — он старше бульвара и когда-то рос прямо у городского вала.

Для Пушкина Тверской бульвар был такой большой московской достопримечательностью, такой особой, отличительной чертой старой столицы России, что поэт поставил его рядом с Кремлем в черновых набросках «Путешествия Онегина»:

*Он слышит на больших обедах
Рассказы отставных бояр,
Он видит Кремль, Тверской бульвар...*

По всем этим и многим другим причинам при обсуждении вопроса о том, какое место в Москве следует избрать для установки памятника великому поэту, выбор пал именно на Тверской бульвар.

Воробьевы горы

Именно с Воробьевых гор открывается самая широкая и живописная панорама столицы!

Название *Воробьевы горы* находим мы на страницах произведений, писем и дневников Н. М. Карамзина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. М. Горького, А. А. Блока и других. Так, панорама Воробьевых гор вносит, по

замыслу Льва Толстого, успокоение в трудный час в душу Пьера Безухова: «На всем, и на дальних и на ближних предметах лежал тот волшебнорухостальнй блеск, которй бывает только в эту пору осени. Вдалеке виднелись Воробьевы горы, с древней церковью и большим белым домом. И оголенные деревья, и песок, и камни, и крыши домов, и зеленый шпиль церкви, и углы дальнего белого дома, все это неестественно-отчетливо, тончайшими линиями вырезывалось в прозрачном воздухе».

Чтобы полнее проанализировать топоним *Воробьевы горы*, обратимся еще раз к книге И. Е. Забелина «История города Москвы».

«Москва, действительно, лежит «на горах и долинах», но эти горы и долины образовались собственно от потоков ее рек и речек. В сущности же, в общем очертании Москва большей частью занимает ровную местность, что замечали и иностранные путешественники еще в XVI столетии. В ее черте нет даже таких перевалов, какие находятся, например, в ее ближайших окрестностях под именем «Поклонных гор». Горы и холмы Москвы суть высокие берега ее рек; долины и болота — низменные, луговые их берега; таким образом, эти горы будут горами только в относительном смысле. Кремль — гора в отношении к Замоскворечью так, как местность Ильинки или Варварки — гора в отношении к низменному Зарядью; Маросейка — в отношении к Солянке (Кулижкам); но и Кремль, и Ильинка, и Маросейка суть ровные места в отношении к Сретенке, Мясницкой и т. д»..

То, что *Воробьевы горы* на самом деле — особые *горы*, не имеющие отношения к наиболее распространенному в русском языке значению этого слова (согласно толковым словарям, гора — «значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью»), образно обыграл в своем стихотворении, которое так и называется — «Воробьевы горы», поэт Апполон Майков:

*Не горят златыми льдами,
Ни пурпурными снегами
Средь небесной синевы
Их венчаные главы;
С ребр не хлещут водопады;
Бездны, воя и шума,
Не страшат пришельца взгляды
Ни пугливого коня;
Но люблю я эти горы
В простоте веселой их...*

по поводу точной даты, года замены топонима *Воробьевы горы* на название *Ленинские горы* в научной и справочной литературе существуют разночтения. Профессор Э. М. Мурзаев называет 1935 год; автор статей и книг о «топонимической лениниане» И. А. Ерофеев считает, что переименование было произведено в 1924 году; та же дата указана в солидном справочном издании — энциклопедии «Москва», а сведущие московские архивисты, составители «Указателя улиц г. Москвы 1917—1982 гг». в своем издании показывают, что топоним *Ленинские горы* официально появился на карте Москвы в 1936 году. Бесспорно одно — название Ленинских гор входило в обширную московскую «топонимическую лениниану», где были Застава Ильича и Тулинская улица, Ульяновская улица и Ленинский проспект, Ленинская площадь и улица Ленинская слобода, Электромеханический завод им. В. И. Ленина, десятки других, включая даже Чаеразвесочную фабрику им. В. И. Ленина (она получила свое название в 1936 году).

вернемся к истории интересующей нас московской местности и ее названия, возвращенного из небытия, — *Воробьевы горы*. Более ста лет назад, в 1887 году,

«Путеводитель по Москве и ее окрестностям» писал: «*Воробьевы горы. Проезд. Пароход* ходит 8 раз в сутки туда и обратно от Канавы, по 20 коп. с человека; второй путь от Калужской заставы, а оттуда 3 версты; дорога до дачи Мамонова шоссе, а далее глиняная, грунтовая. Троицын день, во время храмового праздника, народное гулянье. Ресторан внизу близ реки, второй же вверх, на горе, где можно достать подзорную трубу».

Храм Троицы Живоначальной, упомянутый в путеводителе (его же видел и Пьер Безухов в приведенном отрывке из романа «Война и мир»), как и большинство московских православных храмов, имел и продолжает иметь вторую — уточняющую местоположение — часть названия: храм Троицы Живоначальной на Воробьевых горах. Она сохранилась до наших дней, счастливо избежав горькой участи многих других закрытых, разрушенных или перестроенных храмов Москвы. Храм был выстроен здесь, в *селе Воробьеве*, которое-то и дало название этому высокому берегу реки Москвы, в 1811 году и поэтому может служить одним из примеров классицизма в московской храмовой архитектуре. Накануне знаменитого совета в Филях, о котором уже рассказывалось в нашем пособии в связи с историей топонима *Фили*, М. И. Кутузов молился здесь, на Воробьевых горах, в храме Троицы Живоначальной. До него тут, в Воробьеве, существовала более старая Троицкая церковь — с 1644 года, а известен был воробьевский храм еще ранее, потому-то населенный пункт Воробьево и официально считался *селом*.

О селе Воробьеве известно не слишком многое. Важно, что это был один из самых старых населенных пунктов в окрестностях Москвы: Воробьево было куплено княгиней Софьей Витовтовной — это произошло не позже 1453 года, поскольку в 1453 году Софья, дочь великого князя Литовского Витовта и жена (в 1390—1425 годах) великого князя Московского Василия I, скончалась. Это была необычная женщина: в малолетство сына, Василия II, Софья Витовтовна успешно управляла княжеством, активно участвовала в борьбе против удельных князей, а в 1451 году руководила обороной Москвы от татар. С момента приобретения княгиней Софьей село Воробьево стало дворцовым — великокняжеской, а затем и царской летней резиденцией. По сведениям П. В. Сытина, великая княгиня купила для себя село у некоего попа по прозвищу Воробей. Отсюда становится ясным происхождение топонима: селение, как и многие другие, получило название по своему владельцу. Прозвище *Воробей* скорее всего было связано с внешностью бывшего владельца села (так могли назвать некрупного, невысокого человека) или каким-то приметными чертами его характера, поведения.

Стоит попутно устранить распространенную ошибку в отношении нарицательного слова *воробей*, названия птицы. Почему-то получила широкое распространение версия о том, что эту невзрачную, постоянно ищущую себе пропитание птичку считали воробатой (но где воробью в этом сравниться с воронами и сороками?). Поэтому-то возглас-словосочетание «*вора — бей!*» якобы превратился со временем в слово *воробей*. На самом деле это — типичный пример «народной этимологии», не имеющей никакого отношения к подлинной истории слова *воробей*. В славянских языках известны его аналоги, связанные с одним и тем же корнем: в украинском — *горобець*, белорусском — *варабей*, болгарском — *варабец*, сербохорватском — *варабац*, чешском — *vrabec*, польском — *wróbel* и т. д. Академик Н. М. Шанский, один из авторов «Этимологического словаря русского языка», считает, что слово *воробей* — исконно русское, т. е. возникшее непосредственно в русском языке при помощи суффикса *-ий* (>*-ей*) от той же основы, что и славянские названия этой птицы типа польского *wrabel*. Ученый считает, что славяне издревле так именовали птицу по ее чириканью: звукоподражательная основа в словах *воробей*, *воробушек*, *воробка* та же, что и в слове

ворковать. Напомним, что основой этому глаголу, как и глаголу *ворчать*, послужило несохранившееся ныне слово *ворк*. В русских диалектах известно слово *воркот* с суффиксом *-от*, образованное по типу общеупотребительного и не менее древнего существительного *грохот*. Само же слово *ворк* — это древнерусское *въкръ*, возникшее от звукоподражательного корня *вър-* и суффикса *-къ*.

Не только в наименовании храма Троицы Живоначальной «на Воробьевых горах» и самих Воробьевых гор дошел до наших дней старинный топоним село *Воробьево*. В этой части столицы существует Воробьевская набережная, Воробьевское шоссе, два Воробьевских проезда.

Правы знатоки литературных мест столицы К. Стародуб, В. Емельянова и И. Краусова, которые обращают внимание читателей на то, что литераторы разных школ и направлений, обращавшихся к образу Москвы, едины были в одном: Воробьевы горы неизменно настраивали их на поэтический лад, и значительные, яркие события, определяющие судьбы героев, подчас были связаны именно с этим местом Москвы.

Останкино

Останкино – одно из интереснейших мест нашей столицы. В недалеком прошлом это – большое подмосковное село, тесно связанное с русской историей и культурой. Впервые оно упоминается как деревня *Осташково* в межевой книге по Московскому уезду за 1558 год. В ту пору оно числилось за Алексеем Сатиным, известной личностью в годы царствования Ивана Грозного. Сатин выступал против внутренней политики царя, за что и был казнен. После его казни Иван Грозный подарил Осташково своей жене, а затем — одному из опричников, «немчину» Орту.

В 1584 году, как отмечал историк С. Бахрушин, село принадлежало дьяку В. Я. Щелканову, а с 1617 года – князю И. Б. Черкасскому. Предок рода Черкасских, черкесский князь Семен Андросович, в XVI веке поступил на службу к московским государям, за что он сам и весь его род были богато одарены земельными владениями под Москвой, получили покровительство царя и вошли с ним в родство. Черкасские выстроили боярский двор, возвели деревянную церковь и поставили 30 крестьянских изб. Позднее, в 1683 году, в селе уже была красивая каменная церковь Святой Троицы, в стиле так называемого «нарышкинского» барокко.

В 1743 году деревня *Осташково*, ставшая селом *Останкином*, была отдана в приданое дочери князя Черкасского Варваре, вышедшей замуж за сына графа Шереметева, знатного вельможу, сподвижника Петра I. С того времени Шереметевы владели Останкином до самого октябрьского переворота 1917 года.

Что означает название *Останкино* и каково его происхождение? В существующей краеведческой литературе бытует несколько предположений, однако все они не слишком убедительны и профессиональны, поскольку основаны на чисто внешнем совпадении с тем или иным нарицательным словом. По одной версии (она принадлежит П. В. Сытину), Останкино происходит от слова *останок* «родовой кусок, остаток, имение, полученное в наследство». Гипотеза эта несостоятельна уже потому, что первоначально (в XVI веке) *Останкино* имело форму *Осташково*, которое никак не связано словом *останок*. Существует легенда и о том, что село выросло на том месте, где были найдены чьи-то останки. Она тоже разбивается о первоначальную форму названия этого селения и служит ярким примером так называемой «народной» этимологии.

Как же в действительности мог появиться этот топоним? Читатели книги знают, что очень часто названием села или деревни становилось имя или фамилия первопоселенца, наиболее знаменитого владельца и т. д., отсюда топонимы

Медведково, Свиблово, Тропарево, Колычево и тысячи других. Иногда, как уже говорилось в одной из глав, село получало свое название по церкви, возведенной в нем, например: Архангельское, Никольское, Троицкое и т. д. Имя села *Останкино* не связано ни с названием храма, ни с одной из вышеназванных фамилий владельцев (Черкасские, Шереметевы), известных и знаменитых в свое время.

В XV–XVI веках Подмосковье очень быстро заселялось – появлялись новые села, а особенно деревни, часто получавшие названия по имени того, кому они принадлежали; того, кто был в здешних местах первопоселенцем. Вполне возможно, что названием деревни Осташково (ныне – Останкино) стало имя никому теперь не известного первопоселенца по имени Остап (Останка, Останок) или Осташ (Осташка, Осташок). Этот человек несколько веков тому назад получил за верную службу или купил участок лесной заросли, раскорчевал его, расчистил под пашню, поставил здесь деревню, которую стали называть — Осташкова деревня, или Останкина («Чья деревня?» — «Принадлежащая Осташке, Останке»). Возможно, что на первых порах ее называли и так и этак, поскольку оба имени — Остан (Останка) и Осташ (Осташок, Осташка) — образованы от одного православного мужского имени Евстафий, греческого по происхождению.

Личное имя Евстафий сейчас у русских и других восточных славян мало встречается, в прежние же эпохи его употребительность была достаточно широка. Как и большинство других личных имен, оно появилось на Руси вместе с христианством и пришло из Византии. Образовано же оно было от древнегреческого слова *eustatos*, означавшего «устойчивый, постоянный». Каноническая форма имени *Евстафий* была «переплавлена» живой устной русской речью более чем в полтора десятка разнообразных форм: *Астап, Астаф, Астах, Астаи, Остан, Останя, Остан, Остафий, Остаи, Осташка, Стах, Стахей* и др. В России в XVI—XVII веках преобладало такое написание форм имени, где начальной буквой была О. Таким образом, получается, что топонимы *Осташков* (город в Тверской области на оз. Селигер), *Астапово* (железнодорожная станция и поселок в Липецкой области, ныне — *Лев Толстой*: здесь в 1910 году скончался великий писатель), *Остафьево* (бывшая усадьба князей Вяземских близ Москвы, «Подмосковный Парнас»), *Останкино* (район столицы и дворцово-парковый ансамбль, бывшее подмосковное село), а также некоторые другие — своеобразные языковые «родственники». Все они связаны с одним источником — личным именем *Евстафий* через те или иные его речевые формы.

Со временем название селения *Осташково*, вероятно, заменилось на *Останкино* потому, что имя *Остан* могло восприниматься как более литературное, нежели *Остаи*. Этому способствовал, по-видимому, и тот факт, что с постройкой церкви деревня превратилась в село в начале XVII века. Тогда же, видимо, и произошло изменение формы названия: деревня Осташково, село Останкино. Здесь жили графы Шереметевы.

В топонимии Москвы и Подмосковья сохраняется и фамилия самих Шереметевых. Недалеко от Останкинского дворца проходит Шереметевская улица. Ну, а названия аэропортов «Шереметево-1» и особенно «Шереметево-2» приобрели не только российскую или европейскую, но и всемирную известность.

Впрочем, больше всего ассоциаций название Останкино вызывает в связи с телевидением, магом и чародеем XX века. Это — телецентр Останкино, а вместе с ним и телебашня, популярные программы и скандалы, информация и фильмы. Это — синоним голубого экрана телевизора, который — хотим мы этого или не хотим — стал полноправным членом наших семей.

На территории близ Останкинского телецентра немало топонимов, связанных с понятием «космонавтика», «покорение космического пространства», ибо неподалеку

находился (он существует и сейчас) дом, в котором жил выдающийся конструктор космической техники Сергей Павлович Королев. Это сама улица Академика Королева, на которой расположены здания телецентра и Останкинская телебашня, улица Цандера (Фридрих Артурович Цандер был одним из пионеров советского ракетостроения), Звездный бульвар, улица Космонавтов, Ракетный бульвар, некоторые другие. Всем известны монумент в честь покорителей космоса близ станции метро «ВДНХ», памятник К. Э. Циолковскому и аллея Космонавтов. Даже близлежащий кинотеатр называется «Космос», это же имя носит и большая гостиница напротив станции метро «ВДНХ».